чение им придается не иначе, как в силу того, что буквы, написанные в данном порядке: "человек", означают то же самое, что и звукосочетание *человек*. Вот почему, если мы не знаем, что обозначается устным словом, то не можем знать и того, что обозначается буквами.

14. Во-вторых, могут возразить: если государство решит, что слово *человек* отныне означает камень, а не разумное живое существо, то без каких-либо изменений в написании изменится опосредованное значение письменного слова – но не его непосредственное значение, потому что оно по-прежнему будет означать то же самое устное слово и сохранит тот же способ написания. Следовательно, письмена непосредственно означают не вещь, а слово. Отвечаю: в приведенном примере изменится непосредственное значение письменного слова, потому что оно всегда относится к вещи, а не к звукосочетанию. Ибо установлено, что эти буквы, "человек", непосредственно означают то же, что непосредственно означает устное слово *человек*; именно поэтому изменение устного слова влечет за собой изменение значения письмен, относящихся к этому же объекту. Отсюда ты сделаешь вывод, что значения письмен по отношению к вещам замещают значения слов, но не сами слова как предварительно обозначенные, – точно так же как о значениях слов мы говорим, что они замещают значения понятий тех же вещей, но не сами понятия как предварительно обозначенные.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЭТНОПСИХОЛОГИЯ Х. ШТЕЙНТАЛЯ

(Предисловие к публикации)

Е.К. Романенко

Концепцию лингвиста, философа и этнопсихолога XIX в. Х. Штейнталя (1823–1899), текст которого мы предлагаем вниманию читателей, можно считать своего рода вехой в развитии психологического и релятивистского направления в философии языка на пути от романтической и идеалистической философии языка Вильгельма фон Гумбольдта к концепции лингвистической относительности в ее современном виде (гипотеза Сэпира–Уорфа). Гумбольдт, которого Штейнталь считал своим учителем, вообще полагается основателем одной из влиятельней-

ших философско-лингвистических концепций, задававшей тон развитию языкознания в Германии на протяжении как минимум первой половины XIX в. Ведь именно он поставил ряд проблем, давших импульс развитию немецкой философии языка на много лет вперед: взаимодействие языка и мышления, внутренняя форма языка, соотношение языка и психологии народа-носителя и т.д. Кроме самого Штейнталя и его коллеги М. Лацаруса среди последователей гумбольдтианской линии в философии языка можно назвать Л. Вайсгербера, В. Порцига, О. Функе и в определенной степени неокантианца Э. Кассирера, а на русской почве – Г. Шпета и А. Потебню[1].

Штейнталь известен не только как последователь и интерпретатор Гумбольдта, но прежде всего как яркий представитель психологического направления в языкознании, которого иногда называют основателем этнопсихологии. Его концепция, подробному исследованию которой в отечественной научной литературе на сегодняшний день посвящено не так много работ[2], по нашему убеждению, представляет собой самобытное и достаточно оригинальное продолжение гумбольдтианской линии в немецкой философии языка.

* * *

Хайм (Герман) Штейнталь родился в Грёбциге (Анхальт), изучал философию, языкознание и ботанику в Берлинском университете. Свою первую научную работу по языкознанию он защитил в Тюбингенском университете в 1847 г., но его дальнейшая карьера была связана с Берлином, где он познакомился с работами В. фон Гумбольдта и защитил квалификационную работу о взаимосвязях философии языка Гумбольдта с системой Гегеля, позже получив звание приват-доцента. Именно в Берлине Штейнталь осознал себя последователем гумбольдтианской традиции в философии языка.

Свою научную карьеру Штейнталь продолжил в Париже, где в 1852–1856 гг. изучал китайский, а также африканские языки,

---

[1] Подробнее о гумбольдтианстве в немецком и отечественном языкознании см., например: *Радченко О.А.* Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: УРСС, 2005; *Постовалова В.И.* Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982; *Miller R.* The Linguistic Relativity Principle and Humboldtian Ethnohnguistics. The Hague, 1968.

[2] См., например: *Радченко О.А.* Указ. соч. С. 53–64. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. С. 123–135. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М., 1999. С. 85–93.

вернувшись затем в Берлин. В 1860-х годах началось сотрудничество Штейнталя с Морицем Лацарусом, совместно с которым он издавал "Журнал по психологии народов и языкознанию" (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*) – один из основных печатных органов этнопсихологов, выходивший в Берлине примерно до конца XIX в.[3] Среди его наиболее известных работ можно назвать следующие: "Классификация языков и развитие языковой идеи" (*Klassifikation der Sprachen und die Entwicklung der Sprachidee,* 1850), "Грамматика, логика и психология" (*Grammatik, Logik und Psychologie,* 1855), "История языкознания у греков и римлян" (*Gerschichte der Sprachwissenschaft bei Griechern und Römern,* 1863), "Филология, история и психология в их взаимоотношениях" (*Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen,* 1864), "Введение в психологию и языкознание" (*Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft,* 1881).

Штейнталь считается наиболее известным представителем так называемого психологического направления в языкознании, не последнюю роль в окончательном формировании которого сыграла психологическая доктрина Гербарта: достаточно сказать, что в самом "Проекте языкознания" рассматривается не столько язык, сколько его действие в рамках психологических процессов, обозначенных Гербартом. И всё же философско-лингвистический компонент концепции Штейнталя берет свое начало именно в гумбольдтианстве. Чтобы проследить, каким образом гумбольдтианская линия развивалась в психологическом языкознании, попытаемся сравнить основные моменты учения о языке Гумбольдта с воззрениями Штейнталя.

В творчестве самого Гумбольдта этнопсихологические воззрения присутствуют в виде ярких, но абстрактных определений, философских метафор, которые не дают окончательной ясности. В понятиях "дух", или "народный дух" можно заметить скорее отголоски немецкой идеалистической философии, чем предпосылки этнопсихологического исследования – ведь в конце XVIII – начале XIX в. психология как академическая дисциплина еще окончательно не оформилась. Множество пассажей из трудов

---

[3] Поворот к этнопсихологии для Штейнталя был связан не только с продолжением и развитием гумбольдтианской линии, но и с его собственными исканиями в области этнологии. Одно время Штейнталь даже был активным деятелем (с 1883 г. – главой) "Немецкого союза еврейских общин" (*Deutsch-Israelitischer Gemeindebund*), а также читал собственный курс лекций по критической интерпретации Ветхого Завета.

Гумбольдта указывают на то, что он отождествлял такие понятия, как "дух", "мышление", "разум", находившиеся для него в прямой корреляции с языком.

Основополагающими понятиями концепции Гумбольдта являются "дух" и "народный дух", при этом дух понимается как своеобразный творческий импульс, как развивающаяся интеллектуальная сила, присущая человеческому роду вообще и каждому человеку в отдельности. Сообразно потребности духа в *само-выражении*, человек (а шире – народ) "превращает мир в мысли"[4], т.е. постигая окружающий мир, образует *понятия* навстречу предметам. Именно язык у Гумбольдта отвечает за преобразование представлений в понятия. Язык, таким образом, – вечно развивающаяся сила, интеллектуальный инстинкт человека, служащий для выражения духовных устремлений индивида, народа и всего человечества.

Второй основополагающий пункт концепции Гумбольдта заключается в том, что каждый народ по-своему "превращает мир в мысли", создает свой неповторимый способ языкового, а значит, и семантического членения действительности, который Гумбольдт характеризует как "*языковое мировидение*". «Разные языки, – подчеркивал он в предисловии к своей монографии о баскском языке, – суть не столько различные обозначения одной и той же вещи, сколько различные "ви́дения" ее»[5]. Стало быть, философско-антропологическое исследование народного духа должно, прежде всего, быть исследованием языка.

В рамках гумбольдтовской концепции можно говорить о своеобразном динамическом взаимодействии индивида и сообщества через язык – ведь последний определяет психосемантическое поле, отражающее дух того или иного народа, в котором живет и интеллектуально развивается индивид, принимающий в свою очередь сложившийся багаж концептов и языковых структур, использующий язык для выражения своих личных духовных устремлений, сам преобразующий мир в мысли. Гумбольдт писал, что человек живет и действует только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка[6], ведь "язык – это орган, образующий мысль"[7]. Именно эта мыслительная линия достигла

---

[4] *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 67.

[5] Там же. С. 9.

[6] Об этом см.: *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 378.

[7] *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков... С. 75.

своего логического развития в неогумбольдтианской гипотезе "лингвистической относительности" Сэпира–Уорфа. Штейнталь развивает этнопсихологическую линию гумбольдтианства, по-своему интерпретируя ее основные аспекты: понятие народного духа и взаимодействие языка и мышления.

В своих трудах Гумбольдт лишь обозначил проблему взаимоотношения языка и мышления. Можно предположить, что его понятия "мышление", "дух" и "разум" тождественны, тем более что в некоторых рассуждениях он характеризует язык как "инстинкт разума"[8], интеллектуальную способность человека, или "постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли"[9]. Иными словами, Гумбольдт говорит, что язык связан с мышлением, но нигде не делает прямых указаний на то, *как именно* они взаимосвязаны. Равно как не дает указаний на разграничение языка и мышления. Штейнталь же предлагает разграничить, но не разделить язык и мышление, что наиболее хорошо прослеживается в контексте развития его идей, а также в его полемике с современниками[10].

Грамматико-логические воззрения существовали в философии Нового времени и Просвещения – философы отождествляли язык и мышление, логические и грамматические категории, даже пытались создать искусственный, идеально-логический язык (Лейбниц). В философии языка этим воззрениям противостояло именно релятивистское направление. Показательно, что Штейнталь рассматривает язык как выражение внутренних движений человеческого духа, выражение разума, но вместе с тем как не тождественное разуму явление.

Язык, говорит Штейнталь, можно рассматривать с двух сторон – звуковой и интеллектуальной, которые соотносятся друг с другом как тело и дух, материя и энергия, при этом звуковая сторона *принадлежит* интеллектуальной. Сторонники логической линии стремились отождествить язык и мышление, опираясь на мысль Платона, что "мышление – это речь, которую душа ведет сама с собою"[11]. Подход Штейнталя иной: он дает множество примеров "мышления без слов" или любой другой "деятельности духа", не требующей вмешательства языка. Таковы "начальные"

---

[8] Там же. С. 314.

[9] Там же. С. 7.

[10] Подробнее о полемике Штейнталя с младограмматиками см.: *Steintahl H.* Philologie, Geschichte und Psychologie. Berlin, 1864. S. 17–32.

[11] *Платон.* Теэтет 189с-190а (пер. Васильевой Т.В.).

ступени мышления (например, язык жестов) или некоторые его формы (например, математическое мышление). Отождествление языка и мышления Штейнталь считает преувеличением еще и потому, что человек думает не благодаря, но в *сопровождении* артикуляции. Мышлению так же нужен звук, как материи – энергия: они неразрывны, ибо речь необходима мышлению для реализации.

Это четкое разграничение языкового и мыслительного, логического и грамматического аспектов языка вообще характерно для штейнталевского психологизма: взять хотя бы его знаменитый тезис о том, что категории языка и логики так же несовместимы как "понятия круга и красного" Грамматика не тождественна логике еще и потому, что логика оперирует понятиями, в то время как грамматика – структурами. Ведь «такое словосочетание как "четырехугольный круг" грамматически верно, но противоречиво с логической точки зрения»[12]. Возможно, Гумбольдт, говоря о взаимодействии языка и мышления, имел в виду категориальность мышления и прежде всего *языковую* категориальность (ведь именно язык ответствен за образование понятий и категорий), не принимая во внимание зависимости мышления не только от понятий и категорий, но и от структур, при которой первые служат "материалом" последним. Штейнталь разграничивает мышление как "движение духа", т.е. просто как психологический процесс, не обязательно структурированный, и логическое мышление, т.е. мышление в соответствии с правилами построения мыслительных структур. Таким образом, язык, по Штейналю, не тождествен мышлению и отличен от мышления логического.

Гумбольдт определял функцию языка как "превращение мира в мысли", однако он только обозначил решающую роль языка в образовании понятий, не показав, каким образом проходит этот процесс. Штейнталь по-своему развивает этот аспект гумбольдтовской концепции, указывая на ключевую роль языка во взаимоотношениях априорных и апостериорных элементов в процессе образования понятий, а значит – и человеческого познания. Эти идеи Штейнталя, развитие которых нашло отражение в предисловии к "Проекту", высказывались им еще в 1860-х годах в работе "Филология, история и психология"[13].

---

[12] *Steintahl H.* Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin, 1881. S. 55 (здесь и далее – перевод автора).

[13] *Steintahl H.* Philologie, Geschichte und Psychologie. Berlin, 1864.

Дуализм знания, приобретаемого в опыте, и знания, заложенного в человеке, природы и духа, опыта и теории, появляется, согласно Штейнталю, в средние века (и отчасти преодолевается Фрэнсисом Бэконом). Именно от него идет разделение элементов познания на формальные, априорные принципы (Декарт определял их как "врожденные идеи", необходимо исходящие из самой человеческой природы, а Кант – как условия нашего опыта, благодаря которым таковой, собственно, и возможен) и эмпирические, "вещественные" элементы. Этот дуализм выходит на первый план в Новое время в полемике рационалистов и эмпириков.

Именно этот дуализм, по Штейнталю, есть псевдопротиворечие, поскольку всякое познание *необходимо* состоит из двустороннего, неразрывного, совместного действия двух элементов: априорного и апостериорного. Синтез априорного и апостериорного наиболее отчетливо проявляется именно в языковом процессе – *образования понятия* или *наименования*: если в опыте нам даны только единичные предметы, синтез означает соединение в общем понятии всех единичных представлений. Предшествовавшую логическую традицию Штейнталь упрекает в том, что она располагала понятия сообразно иерархической лестнице, где более общее стоит выше, а более частное – ниже, оставляя в стороне вопрос "*как образуются* понятия" Ученые до бесконечности "делили" понятия, вместо того, чтобы заниматься реальными вещами. Таким образом, в процессе познания, равно как и в процессе образования понятий, неразрывно участвуют априорная и апостериорная стороны нашего познания – об этом более подробно идет речь в представленном для публикации отрывке его работы.

* * *

Гумбольдт впервые определил языковой процесс как динамический и созидательный: ему принадлежит знаменитая формула, согласно которой язык – не "результат деятельности", не мертвый продукт, но сама деятельность, "созидающий процесс" Штейнталь также понимает язык динамически.

В "Филологии, истории и психологии", в которой Штейнталь подробно разбирает и опровергает основные аргументы одного из своих оппонентов, младограмматика Шлейхера, дается определение языка как "живого объекта", "момента развития исторического *духа*" (в этом аспекте язык есть объект исторического исследования). Наличие в языке "духовного" компонента позволяет

избежать крайностей в определении языка, не видеть в нем, с одной стороны, естественный организм (*Naturorganismus*, т.е. продукт природы, а не человеческого духа, как определял язык Шлейхер), а с другой – механизм.

Основополагающей дисциплиной в исследованиях языка Шлейхер видит науку, которую называет "глоттикой": это – эмпирическое исследование, изучающее своеобразие конкретных языков в конкретный момент. Глоттика, или языкознание, – естественно-историческая дисциплина, объектом ее должна быть не духовная жизнь народов, а сам язык. Ее нужно четко отграничить, с одной стороны, от филологии, изучающей становление и развитие языковых форм конкретных языков, а с другой – от философии языка, которой Шлейхер уделяет меньше всего внимания, говоря, что она изучает не столько языки, сколько некий "идеальный язык", "идею языка вообще"

Штейнталя не устраивает во взглядах Шлейхера как эта чрезмерная ориентация на эмпирию, так и отказ рассматривать язык в его развитии и взаимоотношениях со становлением народного духа, что делает язык подобием естественно-научного, можно даже сказать, природного объекта. Вообще, для младограмматического направления свойственно "биогенетическое" определение языка как "организма" или естественного "инстинкта", присущего человеку: чего стоит, например, название книги Шлейхера "Теория Дарвина и языкознание". Штейнталь решительно против такого определения: язык не может быть инстинктом, так как исходит из духа, он – творение духа[14]. Если же говорить о метафоре организма, то глоттик, т.е. исследователь типа Шлейхера, на взгляд Штейнталя, относится к языку как зоолог к препарируемому животному: он "рассекает мертвое тело языка", а не наблюдает его в жизни, в развитии. Здесь Штейнталь возвращается к мысли Гумбольдта о языке как деятельности, *энергейи*, а не как продукту деятельности. В связи с этим можно вспомнить слова Мефистофеля из гётевского "Фауста":

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Хотят явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

(*пер. Б. Пастернака*)

---

[14] Точного определения духа Штейнталь нигде не дает; зачастую он смешивает понятия идеалистической философии и психологии.

Впрочем, метафора "рассечения мертвого тела животного", которую использует Штейнталь, подходит здесь лишь отчасти: в случае препарирования зоолог изучает природный объект, в случае языка – мы изучаем объект *духа*.

Штейнталь, возражая Шлейхеру, говорит, что язык при его взаимосвязи с мышлением принадлежит духовной жизни народов. В то же время такая духовная жизнь, включая раскрытие национального духа и развитие словоформ, неизбежно принадлежит истории. В отличие от *глоттиков*, Штейнталь видит необходимым рассматривать развитие в языке словоформ, идущее во взаимосвязи с развитием народного духа.

Понятие "народный дух" – краеугольный камень философско-психологической концепции Штейнталя. По сравнению с Гумбольдтом, он дает гораздо больше развернутых определений народного духа, но даже они принимают формы скорее философских абстракций. Дабы избежать двусмысленностей, Штейнталь сразу подчеркивает, что нет абстрактного "народного духа", или "народной души" как таковой, но есть народы как носители конкретного, индивидуального народного духа. Народный дух определяется "состоянием общества" в конкретный момент мировой истории. Вместе с тем народ – это больше чем собрание индивидов, а значит, народный дух – больше чем сумма индивидуальных духовных состояний. Народный дух Штейнталь понимает как "коллективных дух", "общий дух", как некую комбинацию, которая "мощнее и первичнее" индивидуальности человека: здесь напоминает о себе мысль Гумбольдта, на сей раз о том, что человек, прежде чем жить и развиваться в языке, должен сначала сформироваться *посредством* языка, что через язык он усваивает плоды коллективного духовного творчества его носителей всех предшествующих поколений[15]. Это – определенные характерные черты, определенные качества, присущие духовным формам жизни и её продуктам. Штейнталь вообще определяет все психические процессы как "движения духа" – в этом отношении нелегко понять, где заканчиваются "духовные" элементы в его концепции и начинаются психологические.

"Язык, – пишет Штейнталь, – не есть сущность или способность, которая производит из себя другую сущность или способность, дух, или интеллект, или рассудок. Он – процесс, который проходит в определенных условиях, в который вовлекаются другие элементы, посредством которого появляются элементы но-

---

[15] См.: *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков... С. 162–166.

вые, вновь вступающие в движение и обогащающиеся в нем"[16]. Это и есть мышление, или *дух,* предмет изучения такой дисциплины как *психология народов*[17].

Можно сказать, что для Гумбольдта язык был основным средством народного духа. В рамках этнопсихологического исследования Штейнталя язык – первый объект исследования, занимающий свое место наряду с другими творениями духа: обычаями, религиозными традициями, словесностью, литературой и т.д.

* * *

В заключение этого краткого обзора, думается, уместно сказать несколько слов о месте языкознания и психологии прочих наук в штейнталевской системе, а также о его понимании метафизики.

Если язык, согласно Штейнталю, – "факт сознания и истории", пронизывающий всю духовную жизнь, то языкознание должно быть дисциплиной, отвечающей на вопрос "Что есть язык?", т.е. должно заниматься изучением не столько различий в языковом строе и грамматике, сколько исследованием "языка в целом" Именно языкознание берет на себя такую задачу, как изучение становления языковых форм, в основном через сравнительную грамматику; задача же народной психологии – отслеживать "развитие духа" в корреляции с развитием языковых форм. При этом надлежит отграничить, с одной стороны, языкознание от сравнительной грамматики, изучающей особенности строя конкретных языков, а с другой – от литературоведения; ведь литература отражает скорее "развитие мысли, отраженное в языке", а, согласно Штейнталю, язык "только проникает в литературу, но не объемлет ее"

---

[16] *Steintahl H.* Philologie, Geschichte und Psychologie. S. 60.

[17] Интересно, что Штейнталь также видит необходимым разграничить народную психологию и этнологию. Первая – в том значении, в котором ее понимал Штейнталь, – изучает коллективную психологию, или черты коллективного духа конкретных человеческих сообществ. Вторая – "внеисторическую духовную жизнь", т.е. духовную жизнь первобытных народов, живущих в традиционном обществе, имеющих свои самобытные черты, но не играющих заметной роли на мировой исторической арене. "Фактор, присущий истории, – говорит Штейнталь, – самосознание" (*Steintahl H.* Philologie, Geschichte und Psychologie. S. 34). Это означает, что "историческим" народам свойственно осознание своего места в мировой истории.

Не совсем ясно положение в штейнталевской системе таких дисциплин, как метафизика и психология. Раз мышление идет только через априорные предпосылки, то именно они должны быть предметом метафизики, или теоретической философии как учения о принципах познания в противовес, например, логике, которая изучает чистые закономерности мышления. Но поскольку познание – всего один из видов "движения духа", оно также попадает "под юрисдикцию" психологии, которой Штейнталь дает весьма неоднозначное определение: "физиология метафизических категорий и форм" и "научная сфера, в которой познание естественных предметов служит учению о принципах познания"[18]. Так, если для естествоиспытателя важны принципы и закономерности поведения материи, то психология должна изучать психологические законы, т.е. "реальные принципы душевных движений". А от их изучения недалеко до понимания своеобразия протекания психических процессов у тех или иных народов – цепь взаимосвязи наук снова "замыкается" на народной психологии.

* * *

Для перевода предлагаемого здесь текста было выбрано предисловие к берлинскому изданию "Проекта языкознания" 1881 г. Этот труд в двух частях – плод совместной работы с языковедом Ф. Мистелли (авторство первой части полностью принадлежит Штейнталю). Из всех перечисленных выше аспектов философии языка и этнопсихологии Штейнталя во вступлении к "Проекту" подробнее всего обосновывается роль языка как связующего звена априорных и апостериорных элементов в процессе познания. Можно сказать, что Штейнталь продолжает развивать мысль Гумбольдта о роли языка в процессе "превращения мира в мысли", но уже на новом уровне.

[18] *Steintahl H.* Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin, 1881. S. 45.